

Малышев Валерий Викторович (1940–2006). Поэт.

Родился в Новосибирске. Окончил НИСИ, по специальности инженер-строитель.

Долгие годы принадлежал к «неофициальной поэзии». Стихи публиковались в сборниках и журналах: «Сибирские огни», «Наш современник», «Юность», «Огонек» и пр.

Книги: «И значит – жить!» (1987); «Срывающийся крик» (1989); «Рассечка» (2001).

* * *

Снится сон, что бессонница мучит...

Автор

Бессонница с прозрачными глазами,
Умытая прозрачными слезами,
Ты юность бесшабашную позволь
Увидеть в перевёрнутый бинокль.
Там истины резвятся прописные,
Разгульны, точно девки расписные.
А страсть поэта так ли глубока –
Эстрадного поэта-чудака?
Спасибо, хоть не именем России
Звучали расписные-прописные
И в зрелость, синим пламенем горя,
Не добрались – спились фельдъегеря!
Прощайте, сны, прощайте, золотые,
По горло сыт от ваших от щедрот!
Страсть не сточила зубы молодые,
Не вытек сок, хоть вымысел не тот.

А спáлось как! Вьедались в тело метки,
Лежал пластом, измотан и раздет:
Сползал матрац, я спал почти на сетке,
Холодным боком чувствуя рассвет.

* * *

*Наблюдаю, как падает сердце
Куда-то при виде тебя...*

Автор

Люби меня, мне одиноко,
Волнуйся, чаще беспокой,
С какого дня, с какого срока
Я стал непристальный такой.
Но если вдруг остынет чувство,
Как солнце на исходе дня,
Превозмоги себя, будь чуткой
И притворись, люби меня.
Иль, может быть, утратив веру
В меня, уйдут друзья, браня,
Но ты не следуй их примеру,
Не покидай, люби меня.
Бог с ними всеми, пусть – случится,
Приду, надломлен, зол и тих,
Лицом усталым скрыться, скрыться
В ладонях бережных твоих.
И в них, родных, забыться сразу,
Перед забытьем оброня
Одну-единственную фразу:
«Я одинок. Люби меня».

* * *

Вопреки невзгодам буду,
Жизнь приемля без прикрас,
Каждым нервом, жив покуда,
Чувствовать движенье масс.
Потому, не обессудьте,
Тем, быть может, и дышу,
Чтоб меня читали люди,
О которых я пишу.

Диалог с фронтовиком

– Ты бы смог, как в былую войну
(Боль и память о ней не изжили!)
Умереть за родную страну?
– Но родную страну растащили,
И душа почернела, а тело
Стало шрамом сплошным. Оттого,
Что мы справили грозное дело.
Вы же в прах превратили его.
Очищайтесь, кто духом не сломлен!
Ну а крысам страны за разор
Харкнуну вслед сталинградским осколком,
Тем, что в лёгких сидит до сих пор.

* * *

Ах, иссохла душа без причала! —
Он кричал. И, видать, оттого
Запил так, что и смерть одичала
И совсем отеклась от него.

Не гневи!.. Но давит так невнятно...
Допоем! (А – нет, так отпоем.)
Вновь с тоской животной, непонятной
Я окину взглядом окоём.
Ни любви, ни даже глупой нежности,
И мерцает пошлое ничто.
– К жизни относись как к неизбежности... –
Что ещё мне выстонать, ну что?!

Случай в Академгородке

Н. Шипилу

Жалко коня, ах, как жалко коня!..
Радостный, мчался по талому снегу.
В такт его, в такт его, в такт его бегу
Гикал седок, корпус свой наклоня.
Враз оживился пейзаж городской,
Сделавшись значимым в каждом предмете,
И замирали счастливые дети:
– Скачет! Смотри! Настоящий! Живой!
Жалко коня –
Всадник неосторожен ли,
Или же случай причиной тому –
Тросом, проклятым, в дорогу вмороженным,
Срезало напрочь копыто ему.
Кровь на снегу – наподобье огня...
Жалко коня,
Ах, как жалко коня!..